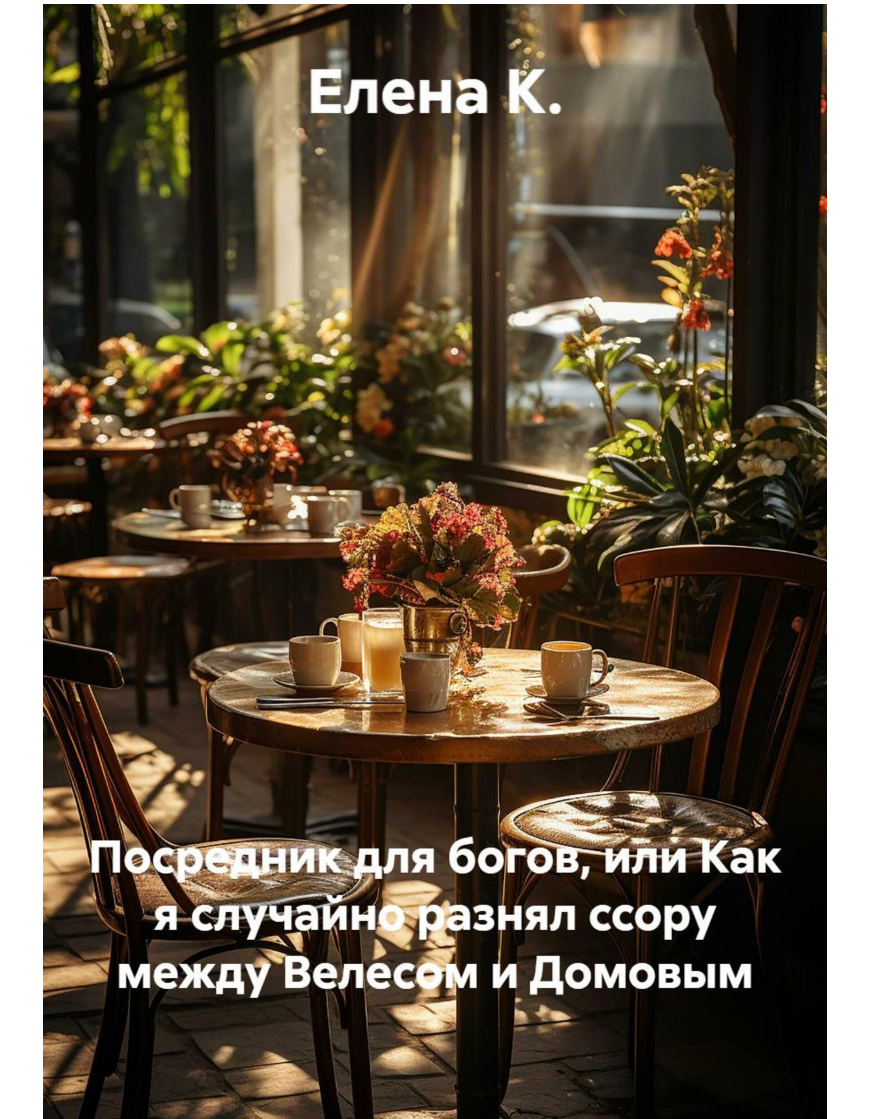

Елена К.

**Посредник для богов, или Как
я случайно разнял ссору
между Велесом и Домовым**

Елена К.

Посредник для богов, или Как я случайно разнял ссору между Велесом и Домовым

*<https://litres.ru/74421193>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Ваня — бариста в маленькой кофейне. Его будни — это заказы, пар от кофемашины и ворчание домового Кузьмы. Но за тонкой стеной живёт голод, который шепчет: «Открой, и всё станет легко». Сладость, обещающая счастье без усилий, просачивается в город — в улыбки кассиров, в акции на круассаны, в сладкие иллюзии, от которых хочется сдаться.

Чтобы удержать мир, Ване предстоит собрать необычный хор: богов, которые триста лет не разговаривали, Лешего, друзей и даже самую обыденность. Их оружие — не магия, а простые ритуалы: пельмени, слепленные своими руками, кофе, пахнущий домом, записка «Не благодари» на кухонном столе.

Это тёплая, ироничная и пронзительная проза: о том, что настоящая сила — в умении каждый день говорить «нет» пустому счастью и выбирать горькую, но честную реальность. О том, что стена держится на мелочах — и на людях, готовых их беречь.

Содержание

Все Главы.	4
Глава 1. «Курьер, который не брал заказы от духов»	5
Глава 2. «Велес, экоактивисты и капучино с несчастьем»	21
Глава 3. «Перун, микроволновка и девушка, которая не должна была прийти»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена К.
Посредник для богов,
или Как я случайно
разнял ссору между
Велесом и Домовым

Все Главы.

Глава 1. «Курьер, который не брал заказы от духов»

Ваня не верил в богов.

Ну, то есть он знал, что они есть — на всякий случай, как огнетушитель в коридоре: стоит, никому не нужен, но выбросить жалко. Его бабушка ставила свечи за здоровье, мама — за упокой, а папа — за то, чтобы «эти черти в правительстве хоть раз подумали о народе». Ваня относился к религии так же, как к растительной диете: в теории — уважаю, на практике — не трогайте мой бургер.

Ваня верил в три вещи: кофе, дедлайны и в то, что, если не помыть посуду сразу, она прирастёт к раковине намертво. Бетоном. Навсегда. Он проверял.

Он жил на четвёртом этаже обычной пятиэтажки в обычном спальном районе Волгограда. Дом был из тех, что строили в девяностых: панельный, серый, с трещиной в стене, которую каждый год штукатурили и каждый год она возвращалась — будто стена дышала. Во дворе росла берёза, которая каждую осень роняла листья прямо на Ванин балкон, а снизу, из-под земли, иногда пахло сыростью — не канализацией, а именно сыростью, как из погреба, в котором давно никто не был.

Квартира была однокомнатная, тесная и пахла старым ли-

нолеумом. Ваня снял её два года назад, когда переехал из общежития. Прежняя хозяйка — бабушка Зоя — умерла, и её родственники сдали квартиру так быстро, что даже не выбили пыль из штор. Ваня не жаловался:##, как говорили бы китайцы, но Ваня не знал китайского, поэтому просто — дёшево. Дёшево в Волгограде важнее, чем чисто.

Был сентябрь. Понедельник. Ваня лежал в кровати и смотрел в потолок, на котором жёлтое пятно от протечки соседей сверху было похоже на карту Африки. Будильник на телефоне показывал 6:47. Он должен был зазвенеть в 6:50. Ваня ждал, ненавидя его заранее.

И в этот момент из-под дивана раздался звук.

Не скрип. Не стук. Не обычный «дом ещё постоит, ещё немного, ещё чуть-чуть» — звук, который издают старые дома, когда settles, оседает, дышит. Нет. Это был ГРОХОТ. Такой, будто кто-то уронил чугунную сковородку с десятого этажа. На кафельный пол. В три часа ночи. С криком.

Ваня сел в кровати.

— Какого...

Он посмотрел на кухню. Дверь была приоткрыта — он всегда оставлял её так, потому что закрыть до конца означало признать, что он взрослый человек, который закрывает двери в собственной кухне, а это первый шаг к превращению в пенсионера, и Ваня был не готов.

Из кухни шёл свет. Мягкий, желтоватый, не электрический — скорее, как от свечи. Но Ваня не зажигал свечей. Он

не романтик. Он даже ужин не романтично ест — стоя над раковиной, прямо из сковородки, потому что тарелка — это лишняя работа.

Он выглянул в коридор. Тишина. Только часы на стене тикали с подозрительной настойчивостью, будто отсчитывали что-то — не время, а что-то другое.

— Эй, — пробормотал Ваня в пустоту, потому что разговаривать с пустотой было нормальнее, чем молча в неё всматриваться, — если это ты, Домовой, то я сегодня купил тот самый сахар, который ты любишь. Мелкий, почти как пудра.

Слова прозвучали абсурдно. Ваня сам не знал, зачем их сказал. Он никогда не верил в домовых. Но бабушка Зоя, прежде бывшая хозяйка квартиры, оставила на холодильнике записку: «Не ругай Домового. Он вредный, но справедливый». Ваня думал, что это шутка. Или деменция. Или и то и другое.

Из-под дивана донеслось недовольное фыркание.

Ваня замер.

Не потому, что испугался. Потому что фыркание было осмысленным. Не «кто-то там шуршит, наверное, мышь», а «кто-то там фыркает, и фыркает с осуждением».

— Ты... слышишь меня?

Фыркание повторилось, но теперь к нему добавился тихий стук. словно кто-то постучал ложкой по батарее. Ритмично. Как код. Как «да, слышу, и ты мне надоел».

Ваня сделал шаг к дивану. Потом ещё один. Потом остановился, потому что понял: он, взрослый мужчина двадцати шести лет, бариста, живущий в съёмной квартире с жёлтым пятном на потолке в виде Африки, идёт к дивану, чтобы поговорить с тем, кто под ним фыркает.

«Нормально, — подумал он. — Это нормально. Я просто не выспался. Это сон. Галлюцинация. Может, это грибы. Я вчера ел жульен. Может, в жульене были грибы, и они...»

Он не ел жульен. Он ел пельмени. Из пачки. С майонезом. Это была самая не-галлюциногенная еда на планете.

— Ладно, ладно, — Ваня поднял руки, будто сдавался, — я знаю, что ты тут. И я не выбрасывал твои старые ключи. Они в коробочке, где батарейки.

Тишина. Короткая, плотная, как пауза перед ударом. Потом из-под дивана медленно, с достоинством, будто вылезал не дух, а посол иностранного государства, выполз клубок пыли.

Клубок был размером с кулак. Серый, мохнатый, с двумя тёмными точками, которые моргнули — и стали глазами.

Ваня сглотнул.

Клубок развернулся, растёкся, и на полу, рядом с диваном, оказался невысокий, лохматый мужичок в вязаном жилете. Рост — примерно с табуретку. Волосы — седые, торчащие во все стороны, как будто их причёсывала молния. Борода — до пояса, но аккуратная, причёсанная. Ноги — босые, мозолистые, с жёлтыми когтями на пальцах. И взгляд

— такой, будто он прожил триста лет и последний раз видел человека, который ему нравится, сто лет назад.

Домовой посмотрел на Ваню с выражением, будто Ваня только что признался, что ест бутерброды без масла. Без масла! На сухом хлебе! Как животное!

— Ты их... в коробочку с батарейками положил? — спросил Домовой голосом, в котором было столько обиды, что можно было бы залить фундамент. Голос был скрипучий, как старая дверь, но живой, тёплый, с хрипотцой.

— Ну, они же не ржавые, — оправдывался Ваня, чувствуя, что оправдывается перед существом, которого не должно существовать, и всё-таки... оправдывается. — И я их не выбрасывал!

— Не выбрасывал, — повторил Домовой, и это прозвучало как «не убивал, просто не кормил». — Ты их в коробочку с батарейками положил. К батарейкам! К АААшкам! Знаешь, что ключи чувствуют? Они чувствуют, где лежат. И они не хотят лежать рядом с батарейками. Они хотят лежать на крючке. На специальном, маленьком, деревянном крючочке, который я тридцать лет назад вбил в стену!

Ваня посмотрел на крючок. Маленький, деревянный, кривоватый — он действительно был вбит в стену у двери, но Ваня думал, что это предыдущая хозяйка вешала на него прихватки.

— Это... ты вбил?

— Тридцать лет назад! — Домовой вздохнул так, что с

люстры осыпалась пыль, и Ваня чихнул. — Люди, — про-
бормотал дух. — Всё у вас не как у духов. Вы приезжаете,
вы мусорите, вы выбрасываете то, что мы храним, и вешаете
на наш крючок... прихватки!

— Я не вешал прихватки! Их бабушка Зоя...

— Зоя! — Домовой произнёс имя с нежностью, от кото-
рой Ване стало неловко. — Зоя знала, где крючок. Зоя ста-
вила молоко на стол, а не в холодильник. Зоя разговаривала
со мной каждый вечер. «Кузьма, — говорила она, — Кузь-
ма, я пирожки испекла, возьми». И я брал. Потому что она
уважала. А ты?

— Я... покупаю пельмени.

— ВОТ! — Домовой топнул ногой, и пол под ним вздрог-
нул. — Пельмени! Из магазина! Замороженные! В пакете!
Ты знаешь, что в этих пельменях? Я тебе скажу: тесто, ко-
торое не тесто, мясо, которое не мясо, и никакой — НИКА-
КОЙ! — любви. Ты ешь пельмени без любви, Ваня. Это не
еда. Это наказание.

Ваня сел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ду-
хом. Это было странно — сесть на корточки перед лохматым
мужичком в жилете, который живёт под диваном, и серьёзно
его слушать. Но в этом была своя логика: дух знал бабушку
Зою, дух жил в квартире тридцать лет, а Ваня — два. По
меркам дома, Ваня был новичком. Засланцем. Тем, кто по-
ставил батарейки туда, где должны были лежать ключи.

— Слушай, — Ваня попробовал другой подход, — давай

так: ты не прячешь мои носки, а я не покупаю сахар с ванилью. Идёт?

Домовой прищурился. Глаза у него были тёмные, почти чёрные, но в глубине горели — не огнём, а чем-то другим. Теплом? Памятью? Чем-то, чему Ваня не знал названия.

— Сахар с ванилью, — процедил он, — это преступление. Сахар должен быть простой. Белый. Мелкий. Без запаха. Без ванили. Без корицы. Без этих ваших... — он поморщился, — эрзацев.

— Ладно. Простой. Белый. Мелкий. Договорились?

— И ещё, — Домовой поднял палец, и Ваня заметил, что палец у него не совсем обычный — чуть длиннее человеческого, с дополнительным суставом, — если вдруг увидишь, где твои ключи от квартиры — скажу. Я их третий день ищу.

Ваня моргнул.

— Ты... ты знаешь, где мои ключи?

— Конечно, знаю. Я их под диван сунул. Чтобы ты понял, каково это — когда твоё на твоём месте, а ты не можешь найти.

Ваня открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл. Потом сказал:

— Ты спрятал мои ключи, чтобы... преподать мне урок?

— Я их перераспределил, — поправил Домовой с достоинством.

— Перераспределил.

— Да. Я — хранитель очага. Я решаю, где что лежит.

Это моя прерогатива. Моя! Тридцать лет! А ты приходишь и всё... — он обвёл рукой квартиру, — переставляешь. Тарелки — не туда. Кружки — вверх дном. Полотенце — на дверь, а не на крючок! Полотенце должно на крючке висеть, Ваня! На крючке!

Ваня посмотрел на полотенце, висящее на ручке духовки. Потом на крючок — тот самый, маленький, деревянный, кривоватый. Потом на Домового. Потом снова на полотенце.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Полотенце — на крючок. Ключи — на крючок. Сахар — простой. Чего ещё?

Домовой задумался. Это было зрелище: маленький лохматый мужичок, сидящий на полу в вязаном жилете, с бородой до пояса, морщит лоб, как профессор, решающий уравнение.

— Не свисти в доме, — сказал он наконец. — Я от этого слабну.

— Я не свищу.

— Ты свистишь. Когда варишь пельмени. Свистишь «Миллион алых роз». Плохо. И не звучит, и мне плохо.

— Ты... не любишь Пугачёву?

Домовой посмотрел на него с таким ужасом, будто Ваня спросил: «Ты не любишь дышать?»

— Я, — сказал Домовой, — люблю тишину. Тишина — это здоровье. А свист — это... — он замялся, подбирая слово, — расточительство. Ты свистишь — ты теряешь. Силы. Тепло. Удачу. Всё, что накопил, выходит через свист. Как

через дырку в мешке.

Ваня не знал, что на это ответить. Он не верил в то, что свист вымывает удачу, но и не мог доказать обратное — потому что удачи у него, честно говоря, было немного. Работа — так себе. Зарплата — так себе. Девушка — не было год. Кот — сбежал (хотя Ваня подозревал, что это Домовой его выжил, но доказательств не было).

— Хорошо, — Ваня кивнул. — Не буду свистеть. Ещё? Домовой снова задумался.

— Молоко на стол, не в холодильник.

— Оно скиснет!

— Скиснет — я сыр сделаю. Я умею. Зоя любила мой сыр. Говорила: «Кузьма, твой сыр лучше, чем в магазине». А я ей: «Конечно, лучше, Зоя, потому что я делаю его с руками, а не с машиной».

Ваня представил, как Домовой делает сыр на его кухне, и почувствовал, что реальность медленно, но верно съезжает с рельсов. Он, двадцатилетний бариста, стоит на кухне в семь утра и обсуждает с домашним духом молочную продукцию.

— Кузьма, — сказал Ваня, попробовав имя. Оно звучало естественно, как будто он всегда его знал. — Кузьма, а почему ты... показался? Тебе же, типа, не положено?

Домовой замолчал. И в этом молчании было что-то другое — не обида, не ворчливость. Что-то серьёзное. Тяжёлое. Как будто он ждал этого вопроса и не знал, как на него ответить.

— Потому что ты увидел ключи, — сказал он наконец.

— Какие ключи?

— Те, что я спрятал. Ты... нашёл их. Под диваном. Не сразу — через два дня, но нашёл. И когда ты достал их, ты... — Домовой замялся, — ты посмотрел под диван. Не просто посмотрел — увидел. Темноту. Мою темноту. Мой угол. И в этот момент что-то щёлкнуло — между нами. Ты стал видеть.

Ваня вспомнил. Позавчера. Он искал ключи, заглянул под диван, и ему показалось... что там кто-то есть. Не испуг — ощущение. Присутствие. Будто в тёмном углу под диваном кто-то сидел и смотрел на него. Не враждебно. Просто смотрел. И Ваня, вместо того чтобы отдёргнуть голову и пойти дальше, задержал взгляд. На секунду. Может, на две.

И сейчас он стоял на кухне с духом, который представился Кузьмой, и реальность дала трещину — не большую, но заметную. Как та трещина в стене дома, которую штукатурили каждый год, и она возвращалась.

— Кузьма, — Ваня сел на табуретку, потому что стоять больше не хотелось. — Ты хочешь сказать, что теперь я... вижу духов?

— Не только видишь. Слышишь. Чувствуешь. И они, — Кузьма понизил голос, и от этого понижения по кухне пошёл холодок, не сквозняк, а именно холодок, изнутри, — они почувствуют тебя. И придут.

— Кто — они?

— Все.

Кузьма посмотрел на Ваню, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то — не страх, но его тень. Предчувствие. Как будто он знал, что идёт, и не мог это остановить.

— Ваня, — сказал он тихо, — я живу в этом доме тридцать семь лет. Я знаю каждый угол, каждую щель, каждый скрип. И я тебе скажу: последние полгода дом скрипит не так. Не от старости. От... — он запнулся, будто слово было тяжёлым, — от давления. Будто кто-то, с другой стороны, давит.

— С какой стороны?

— С той, откуда я пришёл. Откуда все мы пришли.

Тишина на кухне стала такой густой, что Ваня слышал, как остывает чайник. Капля воды, упавшая с носика, прозвучала как выстрел.

— Я боюсь, Ваня, — сказал Кузьма, и от этих слов стало не по себе, потому что дух, который живёт под диваном тридцать семь лет, не должен бояться. Он должен фыркать, прятать носки, критиковать сахар. Не бояться. — Я не боялся тридцать семь лет. Но сейчас боюсь. И я не знаю, кто это. Но он не бог. Боги — это шум, гром, молнии. А это — тишина. Тишина, которая наступает, когда всё живое замирает.

Ваня посмотрел в окно. Город жил: свет в окнах напротив, фары машин внизу, далёкий смех подростков во дворе. Утро было обычным, серым, сентябрьским. Но где-то за этим, глубоко, в самом низу, под землёй, под фундаментом,

под корнями — что-то молчало. И это молчание было громче всех богов.

— Значит, — сказал Ваня, допивая чай, — мне надо на работу. А ты...

— Я побуду дома, — сказал Кузьма. — Пригляжу.

— Приглядишь? За чем?

— За домом. За стенами. За... — он помолчал, — трещиной. Она в ванной, за плиткой. Ты не замечал?

Ваня не замечал. Но теперь, когда Кузьма сказал, он вспомнил: в ванной, за плиткой, у угла, была трещина. Тонкая, как волос. Он думал — от старости. Дом старый, плитка трескается. Но теперь, слыша Кузьму, он подумал: а что, если не от старости? Что, если дом не стареет, а его ломают?

— Я посмотрю, — сказал Ваня неуверенно.

— Посмотри, — кивнул Кузьма. — Но не трогай. Просто посмотри.

Ваня кивнул, допил чай, встал, повесил полотенце на крючок — на тот самый, маленький, деревянный, кривоватый — и пошёл в ванную.

Трещина была. Тонкая, как волос, тёмная, как будто плитка расколосась не от удара, а от того, что что-то за ней раздвинуло стены. Ваня присел, провёл пальцем по краю — и отёрнул. Плитка была холодной. Не просто холодной — ледяной. Как будто за ней был не бетон, а зима. Настоящая, сибирская, минус тридцать.

— Кузьма! — крикнул он.

— Знаю, — отозвался дух из кухни. — Она такая с марта. Каждый месяц — на полградуса холоднее.

Ваня посмотрел на палец. Кончик побелел — не от страха, от холода. Будто трещина его облизала.

Он встал, вымыл руки — горячей водой, чтобы согреть — и посмотрел на себя в зеркало. Обычное лицо: русые волосы до плеч, не уложенные, тёмные круги под глазами от недосыпа, щетина, которая не решила, быть ей бородой или нет. Ничего особенного. Ничего героического. Ничего такого, что говорило бы: «этот человек — посредник между мирами».

Но в зеркале, на секунду, ему показалось, что за его отражением — кто-то стоит. Не Кузьма. Кто-то другой. Тёмный. Молчаливый. Без лица, без формы, просто присутствие. Ваня обернулся — никого. Посмотрел в зеркало — никого. Только он, с побелевшим пальцем и испуганными глазами.

— Это нормально? — спросил он, вернувшись на кухню.

— Нет, — ответил Кузьма.

— Спасибо, очень обнадеживает.

— Я не для надежды. Я для правды. А правда — что ты теперь видишь. И то, что за трещиной, тоже видит тебя. И пока ты видел только меня — это было ладно. Но ты заглянул в трещину. А трещина — она как дверь. Если ты в неё смотришь — значит, и с той стороны кто-то смотрит. И тот, кто смотрит, — он не добрый и не злой. Он просто... очень, очень голодный.

Ваня не спросил, на что голодный. Он не хотел знать.

Он вышел из дома в 7:16. Опоздал на четыре минуты. Волгоград встретил его серым небом, ветром с Волги и запахом шаурмы из ларька на углу — даже в семь утра шаурма уже была, потому что в Волгограде шаурма не спит, она всегда.

Он шёл на остановку, сунул руки в карманы куртки и почувствовал что-то: в правом кармане, на дне, лежала монетка. Он достал её. Медная, тёплая, с неразборчивой чеканкой. Старая. Очень старая. Ваня не помнил, откуда она. Может, сдача. Может, с пола. Может...

Он покрутил её в пальцах. Тёплая. Как будто живая.

И в этот момент мимо прошла женщина — обычная, в куртке, с пакетом. И за её спиной, едва заметно, мелькнула тень. Не от неё — от чего-то рядом. Тень без источника. Тень, которая шла следом.

Ваня моргнул. Тень исчезла. Женщина свернула за угол и пропала.

«Видимо, это нормально, — подумал Ваня. — Видимо, теперь это моя нормальность.»

Он сел в автобус, уткнулся лбом в стекло и подумал о том, что сегодня у него смена до четырёх, а потом надо зайти в магазин, купить простой сахар — белый, мелкий, без ванили, — и, возможно, спасти мир. Или не спасти. Или спасти и опоздать на работу.

За окном ехал Волгоград: серый, длинный, раскалённый летом и остывший осенью. Город, на котором, как на старом

доме, трещины штукатурили каждый год — и каждый год они возвращались.

А где-то в ванной, за плиткой, в трещине толщиной с волос, кто-то молчал.

И ждал.

Так Ваня узнал четыре вещи.

Во-первых, Домовой — его зовут Кузьма, и он патриот простой еды, правильных крючков и молока на столе.

Во-вторых, мир тоньше, чем кажется. Тоньше плитки, тоньше обоев, тоньше терпения. И из трещин дует.

В-третьих, если ты увидел духа — духи увидели тебя. И не только духи.

И в-четвёртых — чай помогает. Не решает, не лечит, не спасает. Но помогает. А пока помогает — можно жить дальше.

Кузьма не улыбнулся. Но его усы чуть дрогнули — а у Домового это равносильно «я в тебе не уверен, но даю шанс».

Это был понедельник. Худший день недели. И, как выяснится позже — лучший день, чтобы началось всё, что началось.

Потому что во вторник пришёл Перун.

А Перун — это молнии.

А молнии — это пожар.

А пожар — это ремонт.

А ремонт — это деньги, которых у Вани не было.

Но это — завтра.

А сегодня — чай, полотенце на крючке и трещина, которая ждёт.

Глава 2. «Велес, экоактивисты и капучино с несчастьем»

Понедельник начался как обычно: будильник не сработал, кран в ванной капал с ритмом, от которого хотелось вскрыться, а Домовой сидел на кухонном столе и критиковал Ванин завтрак.

— Это что? — спросил он, ткнув пальцем в тарелку с хлопьями.

— Овсянка, — ответил Ваня, не открывая глаз.

— Овсянка, — повторил Домовой с интонацией, с которой произносят слово «предательство». — Ты знаешь, что в этом нет ни молока, ни мёду, ни души? Ты ешь картон, Ваня. Картон с изюмом.

— Это не изюм, это чернослив.

— Ещё хуже.

Ваня вздохнул, посмотрел на часы — 7:14 — и понял, что, если не выйдет через шесть минут, опоздает на смену в кофейню. Он работал баристой в «Зёрнышке» — маленькой, но пафосной кофейне на углу, где подавали матча-латте с облаком из овсяного молока и писали имена на стаканчиках с ошибками, чтобы «выглядеть крафтово». Ваня ненавидел эту работу, но платили вовремя, а вовремя — это уже роскошь в его ситуации.

— Слушай, — Ваня натянул куртку, — мне надо бежать. Ты тут... не устраивай погромов, ладно?

Домовой оскорблённо выпрямился.

— Я? Погромов? Я — хранитель очага! Я порядок навою!

Ваня оглядел кухню. Полы были вымыты. Посуда — сложена. На столе стояла вазочка с печеньем, которого вчера не было.

— Ты... убрался?

— А ты думал, я только фыркаю и прячешь носки? — Домовой гордо задрал подбородок. — Я, между прочим, тридцать семь лет в этом доме живу. Дольше тебя. Это МОЙ дом. Ты тут постоялец.

— Я собственник.

— Бумажка. — Домовой махнул рукой. — Собственность — это когда ты знаешь, где что лежит, и заботишься о каждом углу. А ты даже не знаешь, где у тебя ключи.

В дверном проёме Ваня обернулся. Домовой стоял на столе, маленький, лохматый, в вязаном жилете, и смотрел на него с выражением, которое одновременно говорило «я тебя оцениваю» и «я тебя жалею». Ваня вдруг почувствовал укол совести — ощущение, что его оценивает дух, который живёт в его квартире дольше, чем он сам.

— Ключи, — сказал Ваня. — На крючке у двери. Где я их и повесил. Вчера.

Домовой моргнул.

— Я их туда положил, — признался он. — Думал, не найдёшь.

— Ты... спрятал, а потом вернул?

— Я не прятал. Я... перераспределял.

Ваня закрыл дверь и пошёл на работу, чувствуя, как за спиной что-то тихо шевельнулось — будто дом выдохнул.

Кофейня «Зёрнышко» встретила его запахом пережаренных зёрен и голосом Марины — сменной напарницы, которая говорила так, будто каждый стаканчик — это вопрос жизни и смерти.

— Вань, ты опоздал на четыре минуты. Четыре! Знаешь, что бывает за четыре минуты? За четыре минуты остывает эспresso. А остывший эспresso — это преступление против человечества. Ты хочешь, чтобы я отвечала за преступление против человечества?

Марина была из тех людей, которые относятся к кофе как к религии. У неё была татуировка с изображением воронки для фильтр-кофе на предплечье, и она могла часами рассказывать про разницу между Эфиопией Иргачеффе и Кению АА. Ваня кивал и делал вид, что ему не всё равно, хотя ему было не всё равно.

— Прости, — сказал он, повязывая фартук. — Домашние дела.

— Кот сбежал?

— Домовой возмущался из-за сахара.

Марина посмотрела на него поверх кофемашины.

— Что?

— Ничего. Дай мне капучино, я оживу.

Первый час прошёл спокойно: пара студентов с ноутбуками, бизнесмен, который заказал раф и ушёл, не забрав сдачу, и пожилая женщина, которая попросила «просто кофе, но чтоб вкусный, а не эту вашу пену». Ваня справлялся. Он даже почти забыл про Домового, про ключи и про ощущение, что мир вокруг стал чуть тоньше, будто обои отслоились от стены, и за ними — что-то ещё.

А потом пришёл Велес.

Велес вошёл не через дверь. Он вообще не входил — он возник. Один момент — стул у окна пустой, следующий — на нём сидит высокий, бородатый мужик в длинном кожаном плаще, с медными перстнями на пальцах и взглядом, от которого хотелось либо поклониться, либо предложить ему чашку чая. Ваня выбрал второе, потому что первое в кофейне не приветствовалось.

— Доброе утро, — сказал Ваня, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Что вам предложить?

Велес посмотрел на меню, написанное мелом на доске, и его бровь медленно поползла вверх.

— Матча-латте, — прочитал он. — Раф на миндальном. Кефирный смузи. Это что, еда?

— Это напитки.

— Это позор, — Велес откинулся на стуле, и тот жалобно скрипнул. — Я помню времена, когда мёд пили из рогов, а

квас бродил так, что от одного запаха мужики в бой шли. А у вас... кефирный смузи.

— Он на растительном кефире, — добавила Марина, появившись из-за спины Вани. — Очень крафтовый.

Велес посмотрел на неё. Марина не отвела взгляд. Ваня мысленно дал ей медаль.

— Мне чай, — сказал Велес. — Чёрный. Без вашей пены, без сиропов и без облака из овсяного молока. Просто чай. Как у людей.

Ваня заварил чай. Самый обычный, в кружке, без декора. Поставил перед Велесом. Тот обхватил кружку обеими руками, и Ваня заметил, что пар от чая пошёл вверх не обычным столбиком, а закрутился спиралью, будто жил собственной жизнью. Марина не видела — она возилась с кофемашиной.

— Ваня, — сказал Велес тихо, и от того, как он произнёс имя, по спине пробежал холодок. — У меня проблема. И, кажется, только ты можешь помочь.

— У меня тоже проблема, — Ваня понизил голос. — Меня зовут Ваня, а не «решатель проблем богов». Я бариста. Я делаю кофе.

— Ты делаешь плохой кофе, — заметил Велес. — Но это не важно. Важно другое: Леший занял мой парк.

— Какой парк?

— Тот, что на улице Лесной. Старый, с дубами, с ручьём. Я там триста лет пасу скот, веду души, поддерживаю связь между мирами. А Леший взял и развёл там эоактивистов.

Они повесили ленточки на деревья, поставили кормушки для белок и написали табличку: «Парк — зона отдыха, выгул скота запрещён».

— Выгул скота?

— Духовного скота, — Велес произнёс это так, будто говорил очевидную вещь. — Я провожу души животных через этот парк. Это мой путь. А теперь там бегают люди в спортивных штанах и кричат: «Не трогайте белок!» Я, бог скота и подземного мира, не могу пройти через парк, потому что какая-то женщина в кепке «Гринпис» загородила мне дорогу табличкой.

Ваня закрыл глаза. За стойкой Марина объясняла клиенту разницу между арабикой и робустой, кофемашина шипела, из колонки играло что-то инди. А перед ним сидел бог, которому мешала пройти женщина из «Гринписа».

— И что ты хочешь от меня?

— Поговори с Лешим. Скажи ему, чтобы убрал табличку. Или хотя бы сдвинул. Я не могу пройти к ручью — там сейчас детская площадка, и родители смотрят на меня так, будто я... — Велес замялся, — будто я не вписываюсь.

— Не вписываешься?

— Я выгляжу как мужик в кожаном плаще среди мам с колясками. Они думают, что я инспектор из опеки.

Ваня не выдержал и фыркнул. Потом кашлянул, чтобы это выглядело как кашель.

— Ладно. Я попробую. Но не сейчас — у меня смена до

четырёх. После?

Велес кивнул, допил чай одним глотком — кружка даже не звякнула — и поднялся. На столе осталась монетка. Старая, медная, с неразборчивой чеканкой. Ваня поднял её и почувствовал, что она тёплая, будто только что из печи.

— Это за чай, — сказал Велес, и его голос прозвучал уже от двери, хотя Ваня не видел, как он встал.

Марина обернулась.

— А тот мужик в плаще? Он заплатил?

— Он оставил чаевые.

Ваня сунул монетку в карман фартука и подумал: «Наверное, это нормально. Наверное, боги всегда так. Наверное, мне надо позвонить подруге и сказать, что у меня всё хорошо, а потом пойти в парк и разнять ссору между богом скота и духом леса. После смены. После капучино. После всего, что делает моя жизнь нормальной.»

Но нормальной она уже не была.

В перерыве Ваня сел на крыльцо кофейни и позвонил Диме — единственному другу, который знал про Домового, потому что однажды видел его, когда напился в Ваниной квартире и решил, что у него галлюцинации. С тех пор Дима относился к разговорам о духах как к странной особенности Вани — как если бы друг сообщил, что коллекционирует формы для льда.

— Дим, у меня вопрос.

— Опять духи?

— Боги.

Пауза.

— Ты сейчас серьёзно?

— Велес приходил в кофейню. Жаловался на Лешего. Тот занял его парк и поставил эооактивистов.

Дима молчал так долго, что Ваня проверил, не пропал ли сигнал.

— Ваня, — сказал Дима наконец. — Я тебя уважаю. Ты мой друг. Но если ты сейчас скажешь мне, что Перун звонил тебе по WhatsApp, я повешусь.

— Он не звонил. Он, кажется, молнии калибрует. Но это не важно. Важно: что мне делать с парком?

— Ты серьёзно спрашиваешь меня, что делать с парком, который один бог занял у другого бога через эооактивистов?

— Да.

— Поехали туда. Я хочу это видеть.

Ваня не хотел, чтобы Дима ехал. Он хотел, чтобы кто-то сказал ему: «Ты не сошёл с ума, всё нормально, боги — это часть жизни, иди и разрули». Но Дима сказал «поеду и посмотрю», что было почти то же самое, только с большим энтузиазмом и меньшим пониманием.

— Ладно, — вздохнул Ваня. — Встретимся у парка в пять. Но если увидишь что-то странное — не пугайся.

— Вань, я однажды видел, как ты argued с пылесосом. Ничего меня уже не пугает.

Парк на улице Лесной был небольшим — три дуба, ручей,

детская площадка и аллея с лавочками, на которых пенсионеры играли в шахматы. Но сегодня всё выглядело иначе.

Во-первых, деревья были обвязаны лентами — не обычными, а такими, что если присмотреться, они мерцали. Не сильно, не как гирлянда на Новый год, а так, чуть-чуть, будто солнце поймало пылинку. Во-вторых, на каждой лавочке сидели... не люди. Вернее, люди, но с чем-то не так. Один мужик в телогрейке сидел так, будто корни пустил. Другой — женщина с корзинкой — пахла мхом, хотя стоял сентябрь и мхом пахнуть было неоткуда.

— Это Лешины, — пробормотал Ваня.

— Кто? — Дима подошёл сзади и хлопнул его по плечу.

— О, прикольно. Ленточки блестят. Это светодиодные?

— Нет. Это магия.

— Ага, — Дима кивнул с выражением «конечно, магия», и Ваня понял, что друг ему не верит, но ему и не нужно. Дима верит в Ваню, а Ваня верит в духов. Этого достаточно.

Они прошли вглубь парка. У ручья, на камне, сидел Леший.

Леший выглядел как лесоруб, который слишком долго жил в лесу: мох вместо бороды, глаза цвета мокрой коры, пальцы — узловатые, как корни. Он был не страшный, а скорее... усталый. Как учитель после родительского собрания.

— Здравствуй, — сказал Леший, и голос его был как скрип дерева на ветру. — Ты — тот самый посредник?

— Я бариста.

— Это тоже посредничество, — философски заметил Леший. — Между человеком и кофе.

Ваня не нашёл, что возразить.

— Велес говорит, ты занял его парк.

Леший вздохнул так, что листья на дубах зашевелились.

— Я не занимал. Я восстановил. Этот парк был моим первым. Моим! Потом Велес пришёл и сказал: «Здесь мой путь, тут я провожу души». А я что? Я живу здесь. Я эти дубы сажал — лично, своими корнями. А он приходит раз в сто лет и говорит «это моя территория»?

— Ты повесил табличку «выгул скота запрещён».

— Это эколоактивисты повесили! Я им не говорил! Они сами пришли, увидели, что парк зарастает, и решили «спасти». Они повесили кормушки, написали таблички, организовали субботник. Я не просил. Но... — Леший замялся. — Мне нравится, что они заботятся. Никто обо мне не заботился триста лет. А они приходят каждые выходные и убирают мусор. Они меня... видят. Не по-настоящему, но чувствуют. Они знают, что парк живой.

Ваня сел на камень рядом с Лешим. За спиной Дима фотографировал ленточки и шептал: «Прикольно, прикольно».

— Леший, — Ваня посмотрел ему в глаза. — Я понимаю. Ты одинок. Но Велесу тоже надо проходить. Если он не проведёт души, они застрянут. И тогда начнётся... — Ваня не знал, что начнётся, но интуиция подсказывала: что-то плохое.

— Что начнётся?

Ваня обернулся к Диме, но Дима был занят селфи с деревом.

— Я не знаю, — честно сказал Ваня. — Но мне кажется, если души застрянут, это будет как пробка на дороге — только для мёртвых.

Леший посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты не знаешь, но боишься. Это хорошо. Глупый посредник — мёртвый посредник. А умный посредник — который боится — живой.

— Спасибо, я угодил в комплимент, — пробормотал Ваня.

Леший вдруг наклонился ближе. От него пахло землёй и дождём.

— Ваня. Есть кое-что, чего боится даже Велес. Трещина. Она растёт. Я чувствую — корни моих дубов стали тоньше. Земля дрожит. Что-то разъедает границу между мирами. И эта экоактивистская возня — не случайность. Парк пытается защититься. Деревья вешают ленты сами. Кормушки появляются не там, где их ставили. Парк чувствует трещину и закрывает её, как рана закрывается коркой. Если Велес пройдёт через парк — он разорвёт эту корку.

Ваня похолодел.

— То есть... если Велес пройдёт, трещина откроется?

— Может быть. А может и нет. Но я не хочу рисковать. Этот парк — не просто территория. Это печать.

Ваня посмотрел на дубы. Они были старые, кривые, с трещинами в коре. Но живые. И ленты на них мерцали — не для красоты, а чтобы держать.

— Чего молчишь? — спросил Дима, подойдя ближе.

— Дим, ты когда-нибудь чувствовал, что дерево смотрит на тебя?

— Каждый раз, когда хожу в лес. Это нормально. У меня аллергия на берёзу.

Ваня чуть не рассмеялся. Почти. Но в голове крутилось: «парк — это печать». «Трещина растёт». «Что-то разъедает границу». Это были не те мысли, с которыми возвращаешься домой, наливаешь чаю и включаешь сериал. Это были мысли, с которыми ложишься и не спишь.

— Ладно, — сказал Ваня Лешему. — Я поговорю с Веле-сом. Но мне нужно время. И мне нужно знать: если мы найдём другой путь для душ — ты уберёшь табличку?

Леший задумался. Мох на его бороде зашевелился, будто думал отдельно.

— Я уберу табличку, — сказал он наконец. — Но эоак-тивистов не трону. Они... они мои. Мои люди. Они единственные, кто приходит сюда не за тем, чтобы срубить или застроить. Они приходят, потому что любят. Это редкость, Ваня. Даже среди богов.

Ваня кивнул. Он понял. Леший защищал не территорию — он защищал любовь. Маленькую, нелепую, с кормушками и субботниками, но любовь. И ради неё он был готов спорить

с самим Велесом.

По дороге домой Дима молчал. Это было странно, потому что Дима обычно молчал только когда спал или когда ел.

— Вань, — сказал он наконец. — Я ничего не видел. Никаких Леших, никаких богов. Но я кое-что почувствовал.

— Что?

— Когда ты сидел с тем мужиком у ручья — а я видел только мужика, — у меня заложило уши. Как в самолёте. И землю... я чувствовал, что земля гудит. Слабо, но гудит. Как будто что-то под ней... шевелится.

Ваня остановился.

— Ты серьёзно?

— Я серьёзно. И ещё — ленточки. Я трогал их. Они тёплые. Обычные ленточки не бывают тёплыми.

Они стояли на углу Лесной и Советской, фонари уже горели, и город казался нормальным: машины, люди, реклама шаурмы. Но Ваня знал — под этим, за этим, сквозь это — течёт другой мир. И он становится тоньше.

— Дим, — Ваня посмотрел на друга. — Ты мой единственный друг, который не сбежал, когда я сказал «Домовой».

— Я не сбежал, потому что думал, что ты шутишь. А теперь я не уверен, что ты шутишь, и это меня пугает. Но я не сбегаю от друзей, даже если они друзья богов.

Ваня хотел сказать «спасибо», но вместо этого сказал:

— Мне нужна твоя помощь. Не сегодня. Но скоро.

— Я знал, — Дима вздохнул. — Я знал, когда ты позвонил и сказал «боги», что этим не закончится. У тебя никогда ничем не заканчивается. Помнишь, ты в детстве нашёл лягушку и сказал «я её приручу»? Она сбежала в первый же день. Но ты две недели искал её по двору.

— Я нашёл.

— Вот именно. Ты всегда находишь. В этом твоя проблема, Вань. Ты не умеешь не вмешиваться.

Дома Ваня сел на кухне и заварил чай. Домовой сидел напротив, маленький и серьёзный.

— Ты был в парке, — сказал он. Не спросил — сказал.

— Был.

— И знаешь про трещину?

Ваня замер.

— Ты знаешь?

Домовой посмотрел на него так, что Ваня впервые увидел в его глазах не ворчливость, не обиду, а страх.

— Я живу в этом доме тридцать семь лет. Я знаю каждый угол, каждую трещину в стене, каждый скрип половицы. И я тебе скажу: дом начал скрипеть по-другому. Не от старости. От... чего-то. Будто кто-то, с другой стороны, давит.

— С какой стороны?

— С той, откуда я пришёл. Откуда все мы пришли.

Домовой замолчал, и тишина на кухне стала такой густой, что Ваня слышал, как кипяток остывает в кружке.

— Я боюсь, Ваня, — сказал Домовой. — Я не боялся трид-

дать семь лет. Но сейчас боюсь. И я не знаю, кто это. Но он не бог. Боги — это шум, гром, молнии. Это — тишина. Тишина, которая наступает, когда всё живое замирает.

Ваня посмотрел в окно. Город жил: свет в окнах, фары машин, далёкий смех. Но где-то за этим, глубоко, в самом низу, под землёй, под корнями, под памятью мира — что-то молчало. И это молчание было громче всех богов вместе взятых.

— Значит, — сказал Ваня, допивая чай, — мне нужно поговорить с Велесом, не разозлить Лешего, не напугать Домового, выйти на смену завтра и, возможно, спасти мир. Или не спасти. Или спасти и опоздать на работу.

— Ты опоздаешь, — сказал Домовой. — Ты всегда опаздываешь.

— Спасибо за поддержку.

— Это не поддержка. Это наблюдение.

Ваня улыбнулся. Домовой не улыбнулся, но его усы чуть дрогнули — а у Домового это равносильно объятию.

За окном моросил дождь. Обычный, сентябрьский, волгоградский. Но если присмотреться — капли шли не ровно, а с паузами. Будто кто-то задавал ритм. Будто кто-то считал.

И этот «кто-то» пока молчал.

Так Ваня узнал три вещи: во-первых, боги ссорятся как соседи, но ставки у них — мир. Во-вторых, даже Домовой умеет бояться, а значит, бояться есть чего. И в-третьих — чай помогает. Не решает, но помогает.

А завтра был вторник. И Ваня подозревал, что вторник будет хуже понедельника. Потому что во вторник, по его ощущениям, должен был прийти Перун. А Перун — это молнии. А молнии — это пожар. А пожар — это ремонт. А ремонт — это деньги, которых у Вани не было.

И всё-таки он заварил ещё одну кружку. Потому что в любой непонятной ситуации — заваривай чай. Даже если ты посредник между мирами. Даже если трещина растёт. Даже если кто-то молчит с той стороны.

Чай помогает. Это Домовой подтвердил. Не улыбнувшись.

Глава 3. «Перун, микроволновка и девушка, которая не должна была прийти»

Вторник начался с того, что Ваня проснулся от запаха гари.

Не обычной, «я забыл выключить тостер» гари — а настоящей, густой, с металлическим привкусом, от которой хотелось не проснуться, а эвакуироваться. Ваня открыл глаза, увидел потолок — жёлтое пятно в виде Африки, всё на месте — и понял: горит на кухне.

Он вскочил, босиком, в трусах, по холодному линолеуму — на кухню.

Кузьма сидел на столе, скрестив руки на груди, и смотрел на микроволновку с выражением хирурга, наблюдающего агонию. Из микроволновки шёл дым. Чёрный, плотный, воняющий чем-то, что Ваня не мог определить — не пластмассой, не едой, а чем-то третьим. Чем-то, что пахло так, будто горело не в микроволновке, а под ней. Сквозь неё. Из-за неё.

— Кузьма! — Ваня бросился к розетке. — Почему ты не...

— Я не трогаю технику, — спокойно ответил Домовой. — Я хранитель очага, а не электрик. Это ваша... — он помор-

щился, — волшебная коробка.

— Это микроволновка!

— Волшебная коробка, которая греет еду без огня. Это противоестественно. Огонь — это стихия. Микроволны — это ересь.

Ваня выдернул штекер. Дым не прекратился. Он не только шёл из микроволновки — он шёл из стены, из розетки, из щели между плитой и столешницей. Будто кто-то поджёл не прибор, а саму стену — изнутри.

— Кузьма, что горит?

— Молния, — сказал Домовой, и в его голосе не было ни страха, ни удивления. Только усталость. Та самая усталость, с которой говорят «я же говорил».

— Что?

— Молния. Маленькая. Но настоящая. Она пришла ночью. Через окно. Ударила в розетку. Розетка — в микроволновку. Микроволновка — в стену. Стена — в... — он замолчал. — В трещину.

Ваня посмотрел на стену за микроволновкой. Обои почернели. Штукатурка осыпалась. И за ней, в самом углу, виднелась трещина — не та, что в ванной, а новая. Тонкая, как царапина, но от неё шёл жар. Не сильный, но постоянный. Будто стена не горела, а тлела.

— Молния пришла через окно? — Ваня открыл кран и мокрой тряпкой прижал почерневшее место. Шипение. Пар. Запах гари усилился — и к нему примешался озон. Чистый,

резкий, как после грозы. Но грозы ночью не было.

— Это Перун, — сказал Кузьма. — Он предупреждает.

— Предупреждает? Чем? Поджогом?

— Он не поджигал. Он... — Кузьма замялся, будто подбирал слово, — стучал. Молния — это его стук. Он приходит не как люди — в дверь. Он приходит через небо. И если ты не открываешь — он открывает сам.

Ваня сел на пол. Мокрая тряпка в руке, дым в глазах, босые ноги на холодном линолеуме, и за стеной — трещина, которая тлеет. Он подумал: «Нормально. Это нормально. У меня горит стена, Домовой объясняет это «стуком бога», а мне через сорок минут на работу. Надо побриться. Надо поесть. Надо не сойти с ума.»

— Он придёт, — добавил Кузьма. — Сегодня.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что молния уже была. Перун не стучит дважды — он стучит один раз, а потом приходит. Как сосед, который позвонил, а потом стоит в дверях, и ты уже не можешь его не пустить.

— Ты сравниваешь Перуна с соседом?

— Все боги — соседи, Ваня. Просто некоторые живут на облаке, а некоторые — за стеной. Суть одна: они стучат, ты открываешь, они входят, и ты не знаешь, когда уйдут.

Ваня посмотрел на часы. 7:02. Смена начиналась в 8:00. Дорога — двадцать минут. Значит, у него было пятьдесят восемь минут, чтобы: потушить стену, побриться, поесть,

одеться, объяснить Домовому, почему он не может остаться дома и «приглядеть за трещиной», и психологически подготовиться к визиту бога грозы. В бариста-колледже (такого не существует, но, если бы существовал, Ваня бы его закончил) этому не учили.

Он побрил одну щёку, вспомнил, что у него кончилась пена, побрил вторую сухой, чертыхнулся, замазал порезы туалетной бумагой, посмотрел в зеркало — и увидел за своим отражением, на полсекунды, силуэт. Высокий. Широкий. С чем-то на плече — молотом? топором? — и глазами, которые горели не как огонь, а как электричество. Не тепло, а ток. Ваня моргнул. Силуэт исчез.

— Он близко, — сказал Кузьма из кухни. Не спросил — сказал.

— Я вижу.

— Нет. Ты не видишь. Ты чувствуешь. Это хуже. Когда видишь — знаешь, где. Когда чувствуешь — знаешь, что он везде.

Ваня не стал спорить. Он налил чай, сунул в рот батон с колбасой (Кузьма скрипнул зубами, но промолчал — прогресс), натянул куртку, повесил полотенце на крючок, проверил сахар — простой, белый, мелкий, без ванили — и вышел.

На лестничной площадке пахло озоном. Чистым, резким, как после грозы. Но небо было серым, без единого облачка. Соседка тётя Валя выгуливала таксу и смотрела на Ваню с

подозрением.

— У тебя чего, пожар? — спросила она, пригнувшись.

— Микроволновка, — ответил Ваня.

— Опять китайская фигня. Я говорю: покупай отечественное. Наша микроволновка не горит. Она просто не работает. Но не горит.

Такса sniffнула Ванины ботинки и зарычала. Не на Ваню — на что-то за его спиной. Ваня обернулся. На стене, рядом с его дверью, была подпалина. Маленькая, в виде зигзага. Как молния. Тётя Валя не заметила — она уже шла к лифту, таща таксу на поводке. Но Ваня заметил. И Кузьма, наверное, тоже заметал, потому что из-под двери несло запахом пригоревшего сахара — Домовой так нервничал.

В автобусе Ваня стоял у окна и думал. Не о богах — о Лене.

Лена была девушкой, которая работала в книжном магазине через дорогу от «Зёрнышка». У неё были тёмные волосы, зелёные глаза и привычка читать в обед «Войну и мир» — не потому, что нравится, а потому что «надо же чем-то отличаться от тех, кто в обед листает ленту». Ваня познакомился с ней три месяца назад, когда зашёл за книгой. Не за конкретной — за любой. Ему было одиноко, и он думал: если я куплю книгу, я буду человеком, который читает, а человек, который читает, — это привлекательный человек. Логика была сомнительной, но Ваня в неё верил.

Лена порекомендовала ему Булгакова. Ваня купил, про-

читал первую страницу, заснул, проснулся, извинился перед книгой и вернулся в магазин. Лена не удивилась. Она сказала: «Многие засыпают на Булгакове. Это нормально. Начни с Пелевина — он короче и смешнее». Ваня купил Пелевина. Не заснул. Даже посмеялся. Вернулся. Поблагодарил. Лена улыбнулась. Ваня растаял.

С тех пор он заходил три-четыре раза в неделю. Покупал книги, которые не читал, пил кофе, который Лена не любила («я чайный человек»), и пытался сказать что-то, что вывело бы их отношения из категории «покупатель-продавец» в категорию «люди, которым друг с другом интересно». Пока выходило плохо, потому что Ваня, при всём своём обаянии (которое, по его оценке, было на уровне «не отталкиваю»), умудрялся говорить либо о кофе, либо о погоде, либо о том, что его Домовой требует молоко на столе. Последнее Лена воспринимала как метафору. Ваня не поправлялся.

Но сегодня он решил: хватит. Сегодня он зайдёт в книжный, пригласит Лену на кофе — не на рабочее, а на настоящее, в другое место, где он не за стойкой, а напротив — и скажет что-нибудь. Что-нибудь осмысленное. Что-нибудь, после чего она не скажет «спасибо за визит» и не вернётся к кассе.

Потом он вспомнил, что к нему идёт Перун, и настроение упало на уровень подвала.

— Ваня, — сказал он сам себе, стоя в автобусе и держась за поручень, — ты не можешь пригласить девушку на свидан-

ние, если в твою микроволновку ударила молния, стена тлеет, а Домовой сидит дома и охраняет трещину. Это не сюжет для романтического вечера. Это сюжет для вызова санэпидстанции.

Но Лена не знала о Перуне. И не должна узнать. Потому что если Ваня скажет: «Знаешь, у меня в стене трещина, из которой дует холодом, а по ночам приходит бог грозы» — она не позвонит в полицию. Она позвонит в психушку. И будет права.

Автобус дёрнул, Ваня чуть не упал на бабушку с авоськой, извинился, бабушка сказала «ничего, милоч, я крепкая», и он подумал: вот — нормальный мир. Бабушки, автобусы, авоськи. В нём нет молний, трещин и богов. В нём есть работа, зарплата и, возможно, свидание. И если он будет держаться этого мира — крепко, двумя руками — может, всё обойдётся.

Может.

«Зёрнышко» встретило его запахом пережаренных зёрен и голосом Марины.

— Вань, ты опоздал на три минуты. Три! Знаешь, что произошло за три минуты? Клиент заказал флэт-уайт, а я не успела взбить молоко, потому что ждала тебя, и он ушёл. Ушёл, Ваня! К «Кофеману»! Через дорогу! К нашим конкурентам! Ты понимаешь, что ты сделал? Ты отдал клиента врагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.